

Глава 3

Сон у Вэй Чэна был чуткий. Едва снаружи донеслись тяжелые шаги, как он мгновенно проснулся. Схватив ветхое одеяло, мальчик с головой укутал Горшочка, который тоже успел вскинуться от испуга.

— Ни звука, — едва слышно выдохнул юноша.

Горшочек, еще не до конца отошедший ото сна, лишь испуганно кивнул и сжался в комок.

В темноте за дверью послышался топот — незваные гости вошли в дом. Впрочем, пришли они не за Вэй Чэном. Судя по лязгу железа, они искали кирки, деревянные молоты и прочие инструменты.

До ушей мальчика доносились обрывки их грубых голосов. Мужчины не особо заботились о тишине, обсуждая какую-то охоту на «золотышей» и поминая недобрым словом некоего Ма Лаосаня, который тоже решил попытать удачу. Услышав это, Вэй Чэн быстро прикинул что-то в уме. Он тихонько натянул туфли и дважды кашлянул, привлекая внимание:

— Второй дядя, третий дядя.

Вэй Саньнянь вскинул масляную лампу, свет которой полоснул по стенам.

— Твою ж наляво! — выругался он, отшатнувшись. — Напугал до смерти.

Сразу спохватившись, мужчина напустил на себя важный вид:

— Паренёк Чэн, ты чего это не спишь?

При таком грохоте не проснулся бы разве что мертвец.

— От кашля сон не идет, — ответил мальчик. — Третий дядя, вы куда это собрались? Может, помощь моя нужна?

Вэй Саньнянь смерил его долгим взглядом, а затем толкнул локтем молчаливого Вэй Эрняня:

— Нам как раз не помешал бы кто-нибудь присматривать за ловушками. Пусть идет с нами, лишние руки не помешают.

Второй дядя лишь коротко хмыкнул, не проронив ни слова.

— Живо надевай куртку и за нами, — махнул рукой Саньянь.

Когда братья вышли за порог, Вэй Чэн вытащил из-под кровати деревянный ящик. Он достал оттуда две рваные осенние рубахи и натянул их одну поверх другой, а сверху накинул старую, короткую и почти лишенную ваты куртку. Осторожно приподняв край одеяла, он прошептал:

— Спи, Горшочек. Брат пойдет, добудет золотышей. Продадим их, и будет у нас еда.

Из-под одеяла высунулась маленькая грязная ручонка и вцепилась в рукав.

— Брат... — голосок ребенка звучал совсем жалобно.

Староста всё еще не вернулся, а припрятанных Вэй Чэном запасов подмороженного картофеля и бобов почти не осталось. Этим вечером они оба легли спать голодными.

Малыш, похожий на брошенного котенка, поджал губы:

— Холодно. Не ходи, брат.

— Не плачь и сиди тихо, — по-взрослому строго ответил Вэй Чэн. — Спи. Во сне голод не так чувствуется, а когда проснешься, я уже вернусь.

Стоило мальчику выйти из дома, как колючий ветер со снегом ударил ему прямо в лицо — метель разыгралась с новой силой. Он задрожал всем телом, спрятал руки в рукава и, стараясь не отставать, последовал за родственниками, которые уверенно направлялись к густым лесам горы Маоси.

Вскоре они наткнулись на другие группы крестьян. Люди с факелами, разбившись по двое-трое, карабкались по склонам.

Вэй Саньянь разговорился с одним из своих приятелей-бездельников. Смахнув пальцами две замерзшие капли из носа и вытерев их о рукав, он принялся костить судьбу:

— Будь она проклята! Наверняка это Ма Лаосань раззвонил всем в деревне.

Вэй Чэн, шедший позади, внимательно слушал. Оказывается, по округе прошел слух, что кто-то удачно сбыв в городе партию «золотышей» и теперь гребет деньги лопатой.

Этими «золотышами» в здешних краях называли лесных лягушек. Речь шла не об обычных жабах, что прыгают в грязи, а о редком и дорогом виде, обитающем в самых дебрях. Особо ценились самки, за которыми охотились ради их икры — именно их в народе и прозвали

«золотышами». Ловить их можно было трижды в год, но именно зимние считались самыми ценными. Однако водились они в такой глуши, где рыскали волки и леопарды, а в чаще мог встретиться и медведь-слепыш. Мало кто отваживался заходить так далеко.

Вэй Чэн помнил рассказы о своем отце, Вэй Даньене, который однажды ради денег отправился на охоту в те края. Из той вылазки мало кто вернулся невредимым, а его отец пострадал сильнее всех: медведь-слепыш едва не обглодал ему половину тела. О той жуткой трагедии знали даже в соседних уездах.

Но жажда наживы всегда сильнее страха. Говорили, что за одного самца можно выручить восемьдесят медяков, а за самку — все двести! Поймаешь пяток таких — вот тебе и целый серебряный слиток. Для крестьянина, который за весь год может и не увидеть столько денег, это была сказочная сумма. Как тут не загореться?

Ма Лаосань, которого поминал дядя, был известным на всю округу гулякой. Видимо, именно он первым прознал об удаче, но удержать язык за зубами не сумел — теперь об охоте знала вся деревня.

Приятель Саньняня, Гоу Саньши, покосился сначала на угрюмого Вэй Эрняня, а затем на маленькую фигурку позади. В темноте он не разглядел лица ребенка и, приняв его за сына приятеля, с сомнением спросил:

— Ты зачем малого-то взял? Коли на медведя-слепыша наткнемся, он и убежать не успеет.

Вэй Саньнянь обернулся и осклабился в недоброй усмешке:

— Это отродье моего покойного братца.

А затем добавил вполголоса:

— Если и впрямь медведь выйдет, пускай им закусит. Мальчонка мелкий, мясо нежное — глядишь, пока зверь будет с ним возиться, мы и ноги унесем.

Гоу Саньши воровато хихикнул и погрозил мужчине пальцем:

— Ну и пройдоха же ты! Видать, вся хитрость вашей семьи Вэй в тебе одном и собралась.

Вэй Чэн, старавшийся в темноте запомнить тропу, не слышал их слов. Впрочем, он и без того не питал иллюзий насчет доброты этих двух скотов. Он пошел за ними лишь потому, что надеялся урвать хоть какую-то долю — подобные хитрости он проворачивал уже не раз.

Людей в лесу было много, огни факелов разгоняли мрак, и первобытный страх перед лесной

чащей немного отступил. Толпа постепенно рассеивалась.

Вэй Саньянь, следуя совету Гоу Саньши, выбрал место подальше от остальных — участок реки. Мужчины, не теряя времени, принялись рубить лед. Вэй Чэну велели отгрести ледяную крошку. Стоило ему хоть немного замешкаться, как на него тут же обрушивалась ругань. Наконец, пробив толщу льда в несколько цуней, они услышали шум живой воды. Окрыленные надеждой, охотники лихорадочно начали устанавливать донные ловушки.

Но не успели они перевести дух, как горное эхо разнесло долгий, леденящий душу волчий вой.

Третий дядя от испуга выронил кирку, лицо его мгновенно побелело.

— Волки?! — выдохнул он.

В ту же секунду мимо них, бросив инструменты, сломя голову промчались несколько односельчан.

Гоу Саньши схватил одного за руку:

— Куда несетесь?! Волки же на том склоне были!

— Беги, дурак! Думаешь, ты быстрее волка?! Пока они сюда доберутся, будет поздно!

— Уходим, живо! Жизнь дороже медяков!

— Старик Мэн говорит, там целая стая! Голодные твари на запах людей вышли!

Крестьяне один за другим бросались вниз по склону. Вой становился всё ближе, перекликаясь в разных концах леса. Вэй Саньянь, невзирая на остальных, схватил кирку и припустил прочь. Вэй Эрнянь бросился следом. Гоу Саньши, обремененный долгами и надеявшийся на этих лягушек, с досады пнул сугроб, но, понимая, что против стаи не выстоит, тоже поспешил спасти свою шкуру.

Никто из них и не вспомнил о ребенке.

Вэй Чэн не шелохнулся. Он посмотрел на прорубь — ловушки еще были пусты, золотыши не шли. Мальчику было невыносимо обидно уходить ни с чем.

Горшочек сидел дома голодный и ждал его.

Когда последние огни факелов скрылись за деревьями, а волчий рык, казалось, раздался над

самым ухом, Вэй Чэн, сцепив зубы, припал к обледенелому краю. Приложив нечеловеческие усилия, он вытянул из воды тяжелые корзины и подобрал брошенную в панике кирку. Пробежав немного, он остановился, задыхаясь. Спрятав добычу под приметным деревом и забросав её снегом и листвой так, чтобы ничего не было видно, юноша поспешил вниз, ориентируясь по редким искрам чужих факелов.

Он был всего лишь ребенком. В темноте мальчик несколько раз сбивался с пути, но природное хладнокровие не дало ему поддаться панике. Лишь когда небо начало сереть в предрассветных сумерках, он добрался до подножия.

Едва Вэй Чэн толкнул калитку двора семьи Вэй, как в голову ему прилетел тяжелый удар палкой.

Мальчик не успел вскрикнуть — от жгучей боли он рухнул на землю. Перед глазами надолго поплыли черные пятна.

Когда зрение немного прояснилось, он увидел Горшочка. Старуха Фан держала ребенка за шкуру, как паршивого щенка. Малыш, босой и перепуганный, отчаянно брыкался и плакал. Его личико было в ссадинах от щипков, а голос охрип — видно было, что он кричал уже очень долго.

— Брат! Брат! — захлебывался он слезами.

Бледный как полотно, Вэй Чэн попытался подняться, но Вэй Саньнянь снова опустил палку ему на плечо. Он бил яростно, вымещая злобу за неудачную ночную вылазку:

— Твою мать! Говори, откуда этот щенок?! Откуда он взялся?! Совсем страх потерял?!

На шум высыпали все домочадцы. Ребенка нашла Старуха Фан — она пошла в сарай проверить, что осталось из вещей, и обнаружила там незваного гостя.

Соседи, привлеченные криками, тоже начали собираться у ворот, перешептываясь и указывая пальцами.

Фан-ши, одной рукой вцепившись в Горшочка, а другой опираясь на клюку, неистово колотила его по земле и визгливо бранилась:

— Вэй Чэн, ты совсем обезумел! Ты сам здесь на птичьих правах, из милости тебя кормим, а ты в дом бродяжек таскаешь?! Совсем от рук отбился! Бей его, Саньнянь, учи уму-разуму!

Семья Вэй безучастно наблюдала за расправой. Соседи хотели было вмешаться, но, зная скверный нрав Саньняня, не решались.

Малыш рыдал, пытаясь вырваться:

— Не бейте брата! Плохой! Плохой человек!..

Вэй Саньнянь снова замахнулся, целясь племяннику по ногам, но внезапно в его поясице что-то хрустнуло. Мужчина замер, лицо исказила гримаса боли, по хребту прошиб холодный пот. Из гордости он не подал вида, но удар вышел слабым, палка лишь скользнула по одежде.

— Ах ты, паршивец! — прохрипел он, стараясь сохранить грозный вид.

Старая карга не унималась:

— Саньнянь, бей сильнее! Забей до смерти, чтоб не повадно было!

Горшочек, поняв, что словами не помочь, извернулся и что было сил вонзил зубы в руку старухи, державшей его за шиворот.

Та взвизгнула от боли и разжала пальцы. Глянув на руку, она увидела, что от одного-единственного укуса рана сильно кровоточит.

Вэй Линьлан тут же подскочила к матери, обвязывая рану платком. Обезумевшая от ярости Старуха Фан замахнулась, чтобы вклепить ребенку пощечину, но Горшочек ловко увернулся, и Фан-ши едва не рухнула на землю, потеряв равновесие. Лишь помощь дочери уберегла её от позора.

Малыш, спотыкаясь, подбежал к Вэй Чэну. Он обхватил своего спасителя, который уже почти потерял сознание от боли, и зарыдал в голос:

— Не бейте... не надо... Пожалуйста, пожалуйста, Горшочек уйдет...

В этот момент над двором разнесся чей-то голос:

— Староста! Староста идет!

<http://bllate.org/book/15346/1372663>